
УДК 221; 271.2

Ли Иннань[©]

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РПЦ В КИТАЕ – ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

Пекинский университет иностранных языков. Пекин, Китай

Аннотация. Статья посвящена деятельности РПЦ в Китае. Освещается история распространения православия, анализируются причины неудачи миссионерской деятельности РПЦ.

Ключевые слова: православие; миссионерская деятельность; христианские конфессии; русская диаспора.

Li Innan

**The missionary activity of the Russian Orthodox Church
in China – Historical lesson**

Beijing University of foreign languages. Beijing, China

Abstract. The article is devoted to the activities of the ROC in China. The history of the spread of Orthodoxy is covered, the reasons for the failure of the ROC missionary activity are analyzed.

Keywords: christianity; missionary activity; Christian denominations; to the Russian Diaspora.

С 10 по 15 мая 2013 г. состоялся исторический визит в Китай предстоятеля Русской православной церкви Кирилла и его встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином, привлекшие внимание китайской и российской общественности. В ходе этого визита Патриарх Кирилл в своих выступлениях неоднократно упоминал о Китайской православной церкви, выражая надежду на ее восстановление и подчеркивая при этом принцип автономии, который должен лежать в основе ее деятельности.

В связи с этим вполне правомерно возникает интерес к истории вопроса и современному состоянию православия в Китае.

Прежде всего, следует указать, что относительно современного количества православных верующих в Китае не имеется точных данных. Указываются цифры от 20 до 10 тыс. [3]. Поскольку перепись лиц, относящих себя к православной конфессии, естественно, не проводилась, эти цифры являются предположительными. В любом случае по сравнению с числом китайских католиков (6 млн по официальным данным [3], 20 млн по неофициальным данным) и протестантов (50 млн) [3] – это капля в море. Полностью отсутствуют православные церковные структуры и священнослужители, религиозная деятельность (в виде совместных молений) ведется время от времени самими верующими в небольшом количестве церквей, открытых властями для этой цели. Для сравнения: согласно официальным данным на 2011 г., Китайская католическая церковь имела 97 епархий, более 6300 церквей, более 2 тыс. священнослужителей, ежегодно совершающих обряд крещения над 100 тыс. китайцев [3].

Невольно возникает вопрос: в чем причины такого контрастного состояния двух исторически близких христианских конфессий? Этот же вопрос ставит известный исследователь А.В. Ломанов, который пишет: «Нынешнее бедственное положение Китайской Автономной православной церкви, особенно заметное на фоне роста численности и влияния китайских католиков и протестантов, заставляет размышлять о том, почему православие не смогло столь же прочно укорениться в Китае» [11, с. 350].

В поисках ответа проследим вкратце путь, пройденный обеими конфессиями в Китае.

Как известно, католическая церковь, проникшая в Китай в XVI в., умело использовала навыки и опыт миссионерства и к середине

XVIII в. достигла значительных успехов. Однако гонения со стороны властей привели к тому, что к 1820 г. в стране осталось всего лишь 20 иностранных миссионеров [4, с. 45]. В это время (речь идет о 1820 г.) в Пекине уже более 100 лет существовала Русская Духовная миссия¹ (РДМ), пользовавшаяся особым статусом у Цинских императоров, благодаря чему преследования, которым подверглись католические миссионеры, на нее не распространялись. Однако собственная религиозная деятельность православных священнослужителей с самого начала была заключена в рамки подворья Бэйгуань (местонахождение РДМ), так как «миссия в тот период, следуя инструкциям Петербурга, крайне мало уделяла внимания распространению православия среди китайцев, как правило, ограничиваясь паствой из албазинцев и их потомков» [8, с. 283].

Петербургские власти были заинтересованы, прежде всего, в дипломатических функциях Русской Духовной миссии и требовали от нее крайней осторожности в действиях, с тем чтобы «проповедничество не вызвало озлобления богдыханских чиновников и тем самым не осложнило межгосударственные отношения» [6, с. 254–255]. В период существования строгих ограничений со стороны Цинского правительства это можно было понять. Но в 1860 г. обстановка резко изменилась: после вторжения англо-французских войск в Пекин Цинское правительство под давлением военной силы подписало Пекинский договор, дававший в том числе полную свободу миссионерской деятельности всем христианским конфессиям. Россия опередила в этом плане своих западных партнеров, выработав «Трактат между Россией и Китаем об определении взаимных отношений», который был подписан двумя годами ранее, в 1858 г. в Тяньцзине, и предоставил свободу миссионерской деятельности русским подданным. «Россия первой из стран Запада получила право свободы христианского вероисповедания и миссионерской деятельности в Китае», – подчеркивает Дацышен [4, с. 143].

Как же воспользовались новой обстановкой православная и католическая церковь? Католическая церковь, развернувшая активную миссионерскую деятельность по всей стране, на конец XIX в. насчи-

¹ Другие наименования: Российская духовная миссия, Пекинская православная миссия, Пекинская духовная миссия и т.д.

тывала в Китае 400 иностранных миссионеров (для сравнения: в 1842 г. в Китае было всего 50 католических священнослужителей) и 740 тыс. верующих [12, с. 244]; по другим данным, более 1 млн верующих католиков [4, с. 64]. В это же время в штате РДМ состояло всего от двух до четырех священнослужителей, окормлявших 459 верующих, включая 149 русских и их потомков [12, с. 244]. Очевидно, что за 40 лет свободы миссионерства православная церковь в этом отношении не преуспела.

Распространение православия в Китае в начале XX в. связано с активной деятельностью начальника 18-й миссии архимандрита Иннокентия (Фигуровского) в 1901–1917 гг., в первую очередь, с его личным энтузиазмом. Иннокентий Фигуровский видел в распространении православия на Востоке важнейшую цель своей жизни. Прежде чем отправиться в Китай, он внимательно изучил миссионерский опыт в Англии и Франции, и этот опыт ему пригодился. Приняв на себя должность начальника РДМ в ответственный момент, Иннокентий решительно воспротивился попыткам обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева перенести или вообще закрыть Миссию ввиду серьезного урона, нанесенного ей во время восстания Ихэтуаней в 1900 г. Восстановив разрушенное подворье и другие постройки Миссии, Фигуровский начал принимать энергичные меры, с тем чтобы православная вера вышла за пределы Бэйгуаня. Был увеличен штат Миссии, на 1 января 1914 г. в ней насчитывалось 85 человек [6, с. 261]. Наряду с созданием монастырей и скитов, в которых Иннокентий видел опору для распространения православия, в Пекине была основана семинария для обучения китайских катехизаторов. Во многих местах открылись православные школы для китайских детей, мужские и женские. На 1914 г. общая численность учащихся превысила 500 человек. Большинство преподавателей составляли китайцы, прошедшие курс обучения в школах Миссии и семинарии. Большую роль играли миссионерские станы, занимавшиеся проповедью православия среди простых китайцев. Согласно «Отчету о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1914 год» миссионерские станы работали в 32 пунктах страны [8, с. 300–301]. По указанию вл. Иннокентия службы для китайцев стали совершаться на китайском языке [15, с. 323], что, несомненно, облегчило приобщение к православию. Число принявших крещение увеличивалось с каждым годом. Таким обра-

зом, на конец 1915 г. в стране уже было 5587 крещеных китайцев (православных) [14, с. 152].

Следует указать, что материальной основой такой активной миссионерской деятельности, требовавшей немалых затрат, послужило не только собственное хозяйство РДМ, о котором радел Иннокентий, но и в значительной степени так называемая «Боксерская компенсация» (денежная компенсация, которую Цинское правительство выплатило иностранным державам за ущерб, понесенный во время восстания Ихэтуаней в 1900 г.). В 1902 г. Миссия получила 18 тыс. лян серебра, по другим данным, 13,8 тыс. лян [2, с. 22]. 1 лян серебра в то время равнялся 1,412 золотых рубля. Эти средства давали возможность начальнику Миссии расширять деятельность без оглядки на Петербург.

То был период наивысшего процветания миссионерской деятельности РДМ. Но тем не менее из-за упущений предыдущего периода сравняться по результативности с католической церковью оказалось невозможным. В 1918 г. в Китае уже имелось ок. 2 млн adeptov этой конфессии [15, с. 323], и Ватикан в 1920-е годы приступил к так называемой «туземизации» Китайской католической церкви. В это же время РДМ оказалась лицом к лицу с совершенно иной ситуацией, заново поставившей вопрос о ее функциях и о самом ее существовании.

После Октябрьской революции Советское правительство прекратило финансирование РДМ, заставив Миссию лихорадочно искать способы выживания. Гражданская война в России выплеснула в Китай несколько сотен тысяч русских эмигрантов, требовавших духовной и материальной поддержки. На какое-то время сама обширная территория Миссии стала прибежищем для множества беженцев. Более того, стремительно расширявшаяся русская диаспора ревниво смотрела на проповеднические усилия владыки Иннокентия. Современная исследовательница А. Ипатова, касаясь проблем РДМ в этот период, констатирует: «Непросто складывались отношения и с эмигрантами, которые считали, что Миссия должна прекратить проповедническую деятельность среди местного населения, а всецело сосредоточиться на их интересах» [8, с. 308]. Иннокентий был вынужден свернуть миссионерскую деятельность. Уже в 1919 г. были закрыты все миссионерские станы.

Таким образом, в 20–40-х годах XX в. проповедь православия среди китайцев ушла на второй или даже на третий план – главной забо-

той РДМ в Китае стали русские эмигранты и проблемы собственного выживания. Резюмируя ситуацию этого периода, о. Дионисий (Поздняев) пишет: «В основном эмиграция жила ностальгическими воспоминаниями о Родине и не старалась найти путь в духовном смысле к сердцам гостеприимно приютивших их китайцев. В этом плане русская эмиграция оказалась несостоятельной – полмиллиона человек, которых Господь на три десятилетия извел из России в Китай, не смогли широко познакомить Китай с Православием» [5].

Совершенно очевидно, что миссионерская деятельность Русской православной церкви в Китае оказалась малорезультативной, и причиной тому не только (или не столько) историческая обстановка в стране, т.е. внешние факторы, но, главным образом, внутренние факторы, связанные с самой РПЦ. В их числе многие исследователи (Юэ Фэн, Ломанов и др.) называют:

- материальные затруднения РДМ, вызванные недостаточным финансированием из Петербурга практически на протяжении всего периода существования Миссии;
- малочисленность штата РДМ, ограничивавшая проведение миссионерской деятельности;
- внутрицерковное неустройство, отражавшееся на подборе членов Миссии и на их поведении.

Факты недостойного поведения членов РДМ особенно бросаются в глаза на начальном этапе деятельности РДМ в XVIII и в первой половине XIX в. Пьянство, драки, дебоши были тогда нередким явлением. «20 сентября 1730 г. иеродиакон Иоасаф как мандарин седьмой степени навеселе забрался в богыханский дворец, нашумел там в палатах и был обвинен даже в том, что перебил министров», – пишет историк РДМ, иеромонах Николай (Адоратский) и отмечает: «Вторая Духовная Миссия не оправдала стольких забот о ней российского начальства: своими промахами в нравственной жизни она испортила первое хорошее впечатление китайцев о представителях православия» [7, с. 137, 133]. Несмотря на дисциплинарные взыскания, накладываемые церковным судом, пренебрежение церковными обязанностями, лень и нерадивость среди членов РДМ отмечались и позже. Это скрывалось на восприятии китайцами русских священников и мешало проповеди православия. Передко миссионеры других конфессий, проявлявшие больше рвения, переманивали к себе китайцев, скло-

нявшихся к христианству. Так, летом 1907 г. в провинции Чжили 400 человек, настроенные на принятие христианства, не дождавшись православных миссионеров, обратились в протестанство [6, с. 267].

Особенно следует подчеркнуть проблему культурного барьера, неизбежно возникающую в ходе миссионерской деятельности. К сожалению, среди членов РДМ было немало случайных людей, не знавших Китая и не старавшихся проложить мостки через культурную пропасть, разделявшую русских и китайцев. После того как в начале XIX в. китаевед по призванию, о. Иакинф Бичурин, старавшийся войти в китайскую жизнь и проводивший много времени на улочках Пекина в общении с китайцами, был сурово осужден духовными властями, начальник следующей 10-й Миссии Петр (Каменский) стал ратовать за монашеский образ жизни РДМ, закрывшись за ее стенами и по мере возможности избегая контактов с местными жителями. В тот период «даже казенные сторожа и привратники были для миссионеров предметом страха и опасения» [11, с. 338]. «Отщельничество миссионеров не способствовало сближению с китайцами и постижению их национального характера», – констатирует Ломанов [11, с. 337]. Российский посланник при Цинском дворе в 1909–1911 гг. И.Я. Коростовец указывал: «Некоторые руководители миссии жили в стране по многу лет «ничего не понимающим и ничего не знающим гостем. Они не могли привыкнуть и примениться к особенностям китайской среды и почти все страдали тоской по родине» [10, с. 382–383]. При таком отношении невозможно было ожидать сознательной установки на преодоление культурного барьера, будь то в быту или тем более в ментальной сфере.

Исследуя причины, помешавшие православию укорениться в Китае, Юэ Фэн приводит такой перечень:

- православные миссионеры не стремились «китаизировать» свой внешний вид в отличие от католических миссионеров, облачившихся в одежду конфуцианцев;
- не соединяли трактование Библии с конфуцианскими канонами в отличие от католических миссионеров, адаптировавших свои проповеди с учетом менталитета китайских властителей и образованного слоя общества;

• предъявляли слишком строгие правила и ограничения для верующих в отличие от католических миссионеров, допускавших сохранение традиционных обычаяев, в том числе поклонение предкам и Конфуцию;

• не уделяли внимания распространению западных научных знаний в отличие от католических миссионеров, которые использовали эти знания для привлечения внимания китайцев и установления дружеских контактов в интересах проповеднической деятельности;

• большая часть православных священнослужителей не хотели изучать китайский язык, не понимали китайских обычаяев и нравов;

• РДМ создала недостаточное количество церковных школ и не заботилась о воспитании «китаизированной смены» в отличие от католической церкви, создавшей широкую сеть учебных заведений;

• РДМ недостаточно занималась благотворительностью среди китайцев в отличие от католических и протестантских религиозных учреждений [15, с. 474–475].

Не понимая Китая, некоторые деятели РДМ пытались через превратно толкуемые особенности китайского менталитета объяснить неудачи миссионерства. Так, Николай (Адоратский) в 1886 г. сетовал: «Христианство в Китае пока скользит только по поверхности, не проникая вглубь черствой и бесчувственной китайской натуры» [цит. по: 13, с. 166]. Само определение китайской натуры как «черствой и бесчувственной» говорит о полном непонимании и предубежденности в отношении китайской культуры. По-другому видел препятствия в принятии китайцами православия В.В. Корсаков, служивший врачом Российского посольства. В путевых заметках осенью 1902 г. он писал: «Православие в его современной чиновничьей иерархии и церковности не дает им (китайцам) ни душевного покоя, ни тем более исцеления от нравственных недугов» [9, с. 230].

Помимо вышеизложенного, хотелось бы остановиться на глубинных факторах, породивших описанные выше проблемы РДМ и отрицательно сказавшихся на миссионерской деятельности.

В первую очередь, к ним следует отнести положение РПЦ после Петровских реформ, включивших церковь в государственный организм Российской империи. Направляя первую Духовную миссию в Китай, Петр I заботился, прежде всего, об интересах государства, а не

о распространении православия. Еще в 1698 г., узнав о построении русской церкви в Пекине и о крещении китайцев, он отметил: «То дело зело изрядно. Только, для Бога, поступайте в том опасно и нешибко, дабы китайских начальников не привесть в злобу, также езуитов, которые там от многих времен гнездо свое имеют» [7, с. 59]. Этой же линии держались и все преемники первого российского императора. Неразграниченность (двойственность) функций РДМ, на протяжении длительного исторического времени совмещавшей дипломатическую и конфессиональную деятельность, привела к преобладанию государственных (дипломатических) функций над собственно религиозными. В результате заметно пострадала реализация второй функции, особенно в проповеднической сфере.

Можно сослаться на такой пример: когда в 1860 г. Пекин оказался в осаде англо-французских войск, некоторые китайские жители обратились в РДМ с просьбой принять их в православие, надеясь, что, став христианами, спасутся от преследований со стороны европейцев, однако же они получили отказ из-за солидарности государственных интересов России и европейских держав, дабы «не привесть в злобу» последних [11, с. 341].

Второй важный вопрос – это позиционирование РПЦ: является ли она универсальной (всемирной) церковью или же «русской церковью для русских»? В данном случае эта проблема ярко проявилась в 20–40-е годы XX в. в отношении русских эмигрантов к миссионерской деятельности РДМ. Имплицитно же она существовала давно, не позволяя ставить на повестку дня «китаизацию» православия.

Обратимся опять к сопоставлению с католическими миссионерами, не только стремившимися принять в свою конфессию как можно большее число неофитов, но и проявлявшими активность в рукоположении священников-китайцев начиная с XVIII в. Именно благодаря этой политике католическая церковь в Китае продолжала существовать и в периоды гонений на миссионеров-иностранных. В благоприятной для распространения христианства ситуации, сложившейся после Синьхайской революции 1911 г., папа Бенедикт XV призвал миссионеров расширить рукоположение священников из числа местных жителей. Затем в интересах противостояния антикатолическому движению среди леворадикальной китайской молодежи Ватикан принял решение о полной «туземизации» католической церкви в Китае, для

чего в Китай в 1922 г. был направлен специальный эмиссар Святейшего престола кардинал Константини. В 1926 г. были хиротонисаны в епископы 26 китайцев-священнослужителей. Последовательная политика Ватикана привела к образованию полноценных китайских церковных структур, возглавляемых епископами-китайцами.

Что касается православной конфессии, то первый священник-китаец Митрофан (Цзи Чун) был рукоположен только в 1882 г. В XX в. число священников-китайцев оставалось небольшим, и в основном они были албазинцами, т.е. принадлежали к малочисленной, обособленной группе китайцев, кровно связанных с русскими и с РДМ историческими корнями. Само название РДМ – русская, российская Миссия – указывает на некитайский характер этой структуры. В 1924 г. Иннокентий Фигуровский впервые применил наименование Китайская православная церковь (Чжунго Дунчжэнцяохуэй), заявив, что отныне РДМ именуется именно так [11, с. 346]. Однако это заявление было сделано в целях ограждения РДМ от покусительства советской власти на имущество Миссии, т.е. носило краткосрочный конъюнктурный характер. Никаких действенных шагов по созданию Китайской православной церкви (КПЦ) сделано не было. Как уже говорилось, по-настоящему в образовании КПЦ были заинтересованы китайские священнослужители, много сделавшие для проповеди православия и распространения его среди простых китайцев. Они рассчитывали, что их заслуги будут отмечены и их статус в РДМ повысится. Однако никаких преобразований в РДМ не произошло.

Происходивший в Китае в 1920-е годы подъем национального самосознания и движение за создание «чисто китайской» христианской церкви в рядах католиков и протестантов не могли не затронуть православную конфессию, вызвав к жизни тенденцию «китаизации», вылившуюся во внутрицерковную борьбу.

В 1931 г. скончался вл. Иннокентий. Сразу после его кончины священник-китаец протоерей Сергий Чан (сын священномученика Митрофана Цзи) обратился к правительству Китайской Республики (со столицей в Нанкине) с просьбой о назначении его начальником РДМ как старейшего священнослужителя Китая. Сергий Чан считал, что «основная задача Миссии – проповедь православия среди китайцев – была заменена несправедливой, на его взгляд, заботой о российских эмигрантах» [6, с. 344]. Онставил целью создать церковь для ки-

тайцев, в которой ведущую роль играли бы китайские священнослужители. Нанкинское правительство приняло во внимание его просьбу и утвердило Сергея Чана в должности начальника Миссии. «Формально это требование было разумным и соответствовало тенденциям «китаизации» и «отуземления», которые проявились в то время в инославных церквях в Китае», – признает Ломанов [11, с. 346]. Однако попытки создания самостоятельной КПЦ были восприняты как желание завладеть имуществом Миссии и осмыслены через призму церковного раскола, вызвав жесткое сопротивление русских священнослужителей. В начальники 19-й Миссии был выдвинут Симон (Виноградов), проявлявший «особую заботу о страждущих соотечественниках» [5, с. 343]. Он стал фактическим хозяином Миссии. Позднее его преемник о. Виктор (Святин) так изложил последовавшие события: «Еще при покойном Начальнике Миссии архиепископе Симоне... китайское православное духовенство, поддержанное партией Гоминьдан, принимало все меры к захвату Миссии. Было уже почти договорено все дело Начальника свести к должности Почетного Председателя Совета Миссии, в то время как административная власть, хозяйство и имущество Миссии должны были быть переданы и находиться в руках китайского духовенства. В то время я был уже викарием Архиепископа Симона, своевременно пришел ему на помощь и общими усилиями было предотвращено злое дело» [1]. Под воздействием решительного Виктора, бывшего офицера русской армии, смиренный молитвенник Симон продемонстрировал неожиданную твердость и, в конце концов, отверг любые изменения церковного устройства, тем самым закрыв путь к образованию КПЦ. Таким образом, «жесткое сопротивление российского духовенства остановило эту “китаизацию сверху”» [11, с. 346].

Тем не менее противостояние русского и китайского духовенства продолжалось. Назначение вл. Виктора начальником 20-й Миссии после смерти Симона в 1933 г. было встречено в штыки китайскими священнослужителями. Не находя поддержки у Зарубежного Синода, в ведение которого РДМ отошла с 1920 г., Сергей Чан в феврале 1934 г. обратился в Московскую Патриархию. В письме к местоблюстителю Патриаршего Престола Сергию (Страгородскому) он изложил жалобу на назначение Виктора и просил принять его (Сергия Чана) и вверенную ему паству под юрисдикцию Московской Патриархии.

Просьба была встречена с удовлетворением. Местоблюдитель Сергий дал в ответ телеграмму, напечатанную в тяньцзиньской русской газете «Новая заря» 11 апреля 1934 г.: «Принимаю вас в ведение Московской Патриархии. Временно поручаю Вам заведывание православными приходами в Китае. Жду подробного доклада. Митрополит Сергий». В последующие годы Сергий Чан возносил молитвы за здравие будущего патриарха Сергия и продолжал переписку с Московским Патриархатом, подписываясь «администратор китайской епархии» и скрепляя письма печатью «Китайская Православная Церковь».

Развязанная Японией война на территории Китая, оккупация Пекина, Нанкина, Шанхая и др. городов не позволили КПЦ превратиться в реальность. В то же время изменение международной ситуации в период Второй мировой войны и укрепление СССР подвигли начальника 20-й Миссии изменить отношение к Москве. В 1944 г. вл. Виктор решил отойти от Русской Зарубежной церкви. Когда он выразил желание перейти в юрисдикцию Московского Патриархата, предпочтение было отдано ему. В октябре 1946 г. Священный синод утвердил Виктора в должности главы РДМ.

Ввиду начавшегося после войны отъезда русских эмигрантов из Китая, Московский Патриархат тем не менее осознал необходимость «китаизации» православия. После стабилизации обстановки в стране и образования КНР, в январе 1950 г. Патриарх Алексий I потребовал от вл. Виктора «...в короткий срок (скажем, менее, чем в десять лет) при помоши Божьей создать Китайскую Православную Церковь с архиереями – китайцами, священниками и монахами – китайцами и, главное, с многочисленной паствой – китайцами» [5, с. 120].

Увы, это решение пришло слишком поздно – История не дала даже коротких десяти лет для достижения указанной цели. Хотя некоторые шаги были сделаны, но на пути оказалось множество преград, в том числе внутрицерковных.

В июле 1950 г. был хиротонисан первый православный епископ-китаец Симеон (Ду), который получил назначение в Шанхай, и тут же у него начались конфликты с русским духовенством.

Полный религиозного энтузиазма, Симеон развернул в Шанхае активную деятельность. Начал издавать собственное церковное периодическое издание «Чжэн гуан» («Истинный свет»), выходившее в 1954–1958 гг., создал новую духовную школу, готовился провести ре-

формирование православной проповеди по протестантскому образцу для привлечения большего числа верующих. Симеон, кровно заинтересованный в развитии КПЦ и обеспокоенный судьбой православия в Китае, предлагал ускорить формирование объединенной китайской автономной епархии во главе с китайским епископом и критиковал позицию начальников РДМ, обвиняя их в том, что они «не могут отказаться от феодальных замашек, хранят дела миссии в секрете, нерационально решают их, также придают большое значение различию в национальностях» [11, с. 347]. (Следует указать, что Патриарх Алексий I ранее писал вл. Виктору о необходимости «переменить взгляд на Миссию как на доходное предприятие или как на какое-то феодальное княжество» [5, с. 120].) Позиция Симеона привела к обострению отношений с Виктором и вызвала ответные обвинения в «китайском шовинизме» [11, с. 347]. Когда в 1954 г. по соглашению между правительствами СССР и КНР было принято решение о закрытии РДМ, в связи с чем остро встал вопрос о собственности Миссии, Симеон настаивал, что необходимо, прежде всего, передать управление церковью епископу-китайцу, а затем уже решать имущественные вопросы. Но этого не произошло. 11 марта 1955 г. вл. Виктор получил предписание Московской Патриархии о том, что все имущество Миссии, где бы оно ни находилось в Китае, необходимо передать Посольству СССР. Далее по договоренности между правительствами обеих стран 30 марта 1956 г. состоялся акт передачи всего недвижимого имущества Православной церкви Китайской Народной Республике. При этом территория подворья Бэйгуань передавалась под строительство нового посольского комплекса [2, с. 96–97].

В целом свертывание деятельности РДМ и выезд вл. Виктора из Китая проходили, как нам кажется, в обстановке поспешности и недомыслия без учета интересов остающихся православных верующих, в ситуации внутреннего неустройства. Б. Горбачев указывает: «Китайский клир и миряне были смущены тем обстоятельством, что готовится к передаче миллиардное имущество церкви, а православные люди, которым это имущество не принадлежит, чувствуют свое сиротство и оставленность» [2, с. 96]. В подобной же спешке произошла замена кандидатуры главы будущей Китайской Автономной православной церкви: вместо непокорного и самостоятельного епископа Симеона вл. Виктор выдвинул на пост главы КПЦ архимандрита Василия

(Шуана, Яо Фуань). Это был тихий и скромный человек, к тому же слабый здоровьем, который долго отказывался принять такую честь и только в октябре 1955 г. согласился стать епископом. Хиротония прошла в Москве в мае 1957 г., уже после отъезда Виктора в СССР в мае 1956 г. и заявления о предоставлении Китайской православной церкви автономии в ноябре 1956 г. После возвращения епископа Василия в Китай требовалось созвать Церковный собор, чтобы официально назначить его главой КАПЦ, но разногласия с Симеоном не позволили это сделать. Василий так и не смог утвердиться в правах главы КАПЦ. Китайская церковь, не имея стройной церковной структуры, оказалась раздробленной по приходам, каждая из которых вела самостоятельное существование, окормляя немногочисленную паству.

В 1960 г. Василий (Шуан) серьезно заболел и в 1962 г. скончался. Вслед за ним в 1965 г. ушел из жизни Симеон. Таким образом, КПЦ осталась без предстоятеля, с неоформленным до конца статусом и урезанными имущественными правами, в состоянии полного разброда и моральной растерянности. В таком положении она встретила «культурную революцию», нанесшую ей заключительный удар.

Напрашивается вывод о том, что успешное распространение вероучения в той или иной стране неизбежно требует образования собственной конфессиональной структуры, в то время как развитие православия в Китае с начала и до конца оказалось жестко привязанным к деятельности РДМ, тормозившей создание такой структуры. В результате в глазах китайцев православие так и осталось «русской религией», неукорененной в китайской почве.

Список литературы

1. *Архиепископ Виктор (Святин)*. Рапорт Святейшему Патриарху Алексию I от 15 января 1947 г. // Архив ОВЦС МП. Д. 29.
2. *Горбачев Б.Н., Манакова Т.Б.* Возрождение святыни. Успенский храм на территории российского посольства в Пекине. – М.: Восточная литература, 2013. – 439 с.
3. Данные Государственного Управления КНР по делам религий. – Режим доступа: <http://www.gov.cn/>
4. *Дацышен В.Г.* Христианство в Китае: История и современность. – М.: Научно-образовательный центр по международным отношениям, 2007. – 240 с.
5. *Дионисий Поздняев*, свящ. Российская Духовная Миссия в Китае в 1920–1930 гг. // История Российской Духовной Миссии в Китае: Сборник статей. – Режим

доступа: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/662rossijskaja-dukhov-.htm

6. Иванов П.М. Православные миссионерские станы в Китае в начале XX века // История Российской Духовной Миссии в Китае: Сборник статей. – Режим доступа: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/663rossijskaja-dukhov-.htm

7. Иеромонах Николай (Адоратский). История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) // История Российской Духовной Миссии в Китае: Сборник статей. – М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1997. – С. 14–164.

8. Ипатова А.С. Российская Духовная миссия в Китае: Век двадцатый // История Российской духовной Миссии в Китае: Сборник статей. – Режим доступа: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/663rossijskaja-dukhov-.htm

9. Корсаков В.В. В проснувшемся Китае. Дневник-хроника русской жизни перед Русско-японской войной. – М.: Печатня С.П. Яковлева, 1911. – 404 с.

10. Коростовец И. Жизнь и нравы старого Китая. – Смоленск: Русич, 2003. – 496 с.

11. Ломанов А.В. Российская духовная миссия в Китае // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. – М.: Восточная лит., 2007. – Т. 2: Мифология. Религия.– 867 с.

12. Чжан Вэньцзянь. Тяньдао чжи го – Цидуцзяо = Царствие Небесное – христиансское учение. – Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2006. – 422 с.

13. Шубина С.А. Русская православная миссия в Китае (XVIII – нач. XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 1998. – 553 с.

14. Шубина С.А. Данные о количестве китайцев, обращенных в православие в 1781–1917 гг. Русская Православная Миссия в Китае (XVIII – нач. XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 1998. – 553 с.

15. Юэ Фэн. Дунфан цидуцзяо таньсо = Исследование восточного христианства. – Пекин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 2008. – 491 с.

References

1. Arhiepiskop Viktor (Svyatin). Raport Svyatejshemu Patriarhu Alekxiyu I ot 15 yanvarya 1947 g. – Arhiv OVCS MP. D. 29.
2. Sm.: Gorbachev B.N, Manakova T.B. Vozrozhdenie svyatyni. Uspenskij hram na territorii rossijskogo posol'stva v Pekine. – M.: Vostochnaya literatura, 2013. – 439 s.
3. Sm.: Dannye Gosudarstvennogo Upravleniya KNR po delam religij. – Rezhim dostupa: www.gov.cn.
4. Dacyshen V.G. Hristianstvo v Kitae: Istorya i sovremennost'. – M.: Nauchno-obrazovatel'nyj centr po mezhdunarodnym otnosheniym, 2007. – 240 s.
5. Dionisij Pozdnyaev, svyashch. Rossijskaya Duhovnaya Missiya v Kitae v 1920–1930 gg. // Istorya Rossijskoj duhovnoj Missii v Kitae: Sbornik statej – Rezhim dostupa: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/662rossijskaja-dukhov-.htm

6. *Ivanov P.M.* Pravoslavnye missionerskie stany v Kitae v nachale HH veka // Istorija Rossijskoj duhovnoj Missii v Kitae: Sbornik statej. – Rezhim dostupa: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/663rossijskaja-dukhov-.htm
7. *Ieromonah Nikolaj (Adoratskij).* Istorija Pekinskoj Duhovnoj Missii v pervyj period ee deyatel'nosti (1685–1745) // Istorija Rossijskoj Duhovnoj Missii v Kitae: Sbornik statej. – M.: Izd. Svyato-Vladimirskogo bratstva.–1997. – S. 14–164.
8. *Ipatova A.S.* Rossijskaya Duhovnaya missiya v Kitae: Vek dvadcatyj // Istorija Rossijskoj duhovnoj Missii v Kitae: Sbornik statej. – Rezhim dostupa: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/663rossijskaja-dukhov-.htm
9. *Korsakov V.V.* V prosnuvshemsya Kitae. Dnevnik-hronika russkoj zhizni pered Russko-yaponskoj voynoju. – M.: Pechatnya S.P. Yakovleva, 1911. – 404 s.
10. *Korostovec I.* Zhizn' i nravy starogo Kitaya. – Smolensk: Rusich, 2003. – 496 s.
11. *Lomanov A.V.* Rossijskaya duhovnaya missiya v Kitae // Duhovnaya kul'tura Kitaya. Enciklopediya: V 5 T. – M.: Izd-vo vostochnaya lit., 2007. – T. 2. Mifologiya. Religiya.–867 s.
12. *Chzhan Ven'czyan'.* Tyan'dao chzhi go – Cziduczyao (Carstvie Nebesnoe – hristianskoe uchenie). – Pekin: Shicze chzhishi chuban'she, 2006. – 422 s.
13. *Shubina S.A.* Russkaya pravoslavnaya missiya v Kitae (XVIII – nach. XX v.). Diss. Kand. ist. Nauk. – Yaroslavl', 1998. – 553 s.
14. Sm.: *Shubina S.A.* Dannye o kolichestve kitajcev, obrashchennyy v pravoslavie v 1781–1917 gg. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Kitae (XVIII – nach. XX v.). – Diss. Kand. ist. Nauk. – Yaroslavl', 1998. – 553 s.
15. *Yue Fen.* Dunfan cziduczyao tan'so (Issledovanie vostochnogo hristianstva). – Pekin: Czunczyao ven'hua chuban'she, 2008. – 491 s.